

Семантика производных слов-англизмов в русском языке
XVIII—XX вв.

Исследование производных слов иноязычного происхождения, механизм воспроизведения их сложной структуры в русском языке, соотношение формы и семантики производящих основ и словообразовательных элементов иноязычных прототипов и их русских коррелятов остается мало изученной областью языкознания. В русле контрастивной лингвистики и сопоставительного изучения языков эти вопросы представляются вполне актуальными в теоретическом и практическом плане.

Англизмы в русском языке представлены в основном именами существительными. Главенствующая роль существительных в процессе заимствования отмечается многими лингвистами [1, 4, 6].

При семантическом и морфологическом освоении англизмов русским языком релевантным оказывается лексически значимый элемент слова [2, с. 11 и др.]; грамматические и словообразовательные элементы, составляющие сложную производную структуру слова в английском языке, теряют, как правило, производность своей морфологической структуры и воспринимаются носителями заимствующего языка как простые слова. Происходит процесс опрощения на межъязыковом уровне, в результате которого значение производного слова — англизма в русском языке испытывает значительные модификации.

Английские имена существительные, проникшие в русский язык в XVI—XX вв., неоднородны в структурно-морфологическом и семантическом плане с их русскими коррелятами и при контрастивном анализе в самом общем виде распределились по следующим группам: 1) слова, совпадающие по семантическим и структурно-морфологическим параметрам производящих основ и элементов словопроизводства: аболиционизм, агностик, алдерман, антифриз, аутсайдер, лорд-кипер, уик-энд, спикер и др.; 2) слова, совпадающие по семантическому и расходящиеся по структурно-морфологическому параметрам: футболист, трамвай, коттедж и др.; 3) слова, расходящиеся по семантическому и структурно-морфологическому параметрам: рекордсменка, футболка, аврал, спортсменка и др.

Рассмотрим более детально каждую группу слов.

1. Слова, совпадающие по семантическим и структурно-морфологическим параметрам, представляют собой английский этимон и его русский коррелят, в которых сохраняется семантическая связь: их значения могут быть возведены к одному понятию, при этом морфологическое значение словообразовательно-го элемента, а иногда и его форма в английском и русском язы-

как совпадает: *агенсу* — агентство (сема: торговое представительство), *миксег* — миксер (сема: смеситель, 1933), *броксег* — брокер (сема: посредник, 1933), *блоксер* — блокарь (сема: изготовитель блоков, 1905) и мн. др. [5].

Слова этой группы проникали в русский язык либо в английской форме производящей основы и суффикса (*боксер*), либо в трансформированной русскими средствами этой же форме (*буфер*, *драйвер*, *адаптер*, *диссидент*, *берклеизм*, *блейзер*, *интервьюер*, *левеллер*), либо словообразовательный элемент воспроизводился русскими семантически адекватными словообразовательными или морфологическими элементами: *блоксерь*, *агентство*, *берклианство*, *бессемерование* и др.

Семантическая структура производных английских слов более прозрачна, чем в их русских эквивалентах: суффиксы *-ер*, *-ор*, *-ент*, *-инг*, хотя и выделяются этимологически в списках иноязычных слов (*боксер*, *гольдер*, *волонтер*, *спикер*, *монитор*, *мотор*, *митинг*, *смокинг*, *дансинг*, *брифинг* и др.) во многих русских словах не повторяют словообразовательную структуру английского слова — в русском языке это опрошенные структуры, существующие в системе русского языка только в форме производного слова.

2. Слова, совпадающие по семантическому и расходящиеся по структурно-морфологическому параметрам, представляют собой английское слово и его русский эквивалент, в которых сохраняется семантическая связь. Значения обоих слов возводятся к одному понятию, но структурно-морфологическое оформление этих слов в английском и русском языках различно. Данная группа слов довольно многочисленна и разнообразна и в свою очередь должна быть разбита на подгруппы. Расхождения по структурно-морфологическому параметру наблюдаются в результате процесса опрошения английских слов с формообразующими и словообразовательными элементами. Сложные английские структуры (производные, сложные слова, словосочетания, предложения) превращаются в русские непроизводные структуры. Так, следующие морфологически значимые английские элементы теряют свое грамматическое значение в русском языке: а) суффикс множественного числа у английских существительных в русском языке не воспроизводит понятия множественности и не является показателем множ. ч.: *каперсы* — *capers* (множ. ч. от *caper*), *клипсы* — *clips* (множ. ч. от *clip*), *рельс* — *rails* (множ. ч. от *rail*), *кекс* — *sakes* (множ. ч. от *sake*), *бутс* — *boots* (множ. ч. от *boot*) и др.; б) супплетивные формы образования множ. ч. английских существительных воспринимаются в русском языке как единственное число: *рекордсмен* — *recordsmen* (множ. ч. от *recordsman*), *спортсмен* — *sportsmen* (множ. ч. от *sportsman*), *конгрессмен* — *congressmen* (множ. ч. от *congressman*), *бизнесмен* — *businessmen* (множ. ч. от *businessman*), *тивимен* — *TVmen* (множ. ч. от *TVman*) и др. Различные огласов-

ки в русском языке (-ман, -мен) в заимствованных словах не являются показателями числа, а скорее говорят о времени проникновения этих слов в русский язык: суффикс -ман более характерен для слов, проникших в русский язык в более ранние эпохи из германских или скандинавских языков (нурман, кучман, боцман и др.).

Проникновение в русский язык двух грамматических форм иноязычного слова в одном денотативном значении — явление исключительно редкое. Грамматическое значение множественности или единичности в таких словах, как «пенни» и «пенс» (из англ. penny — ед. ч. и pence — множ. ч.) в русских заимствованиях не воспроизводилось (одно пенни, один пенс, несколько пенни, несколько пенсов); в) английские словообразующие элементы также могут утрачивать свое значение. Слова с такими аффиксами воспринимаются как непроеизводные (стандарт, жокей, кокни, парламент, револьвер, бизнес и др.).

В случае калькирования производного английского слова значение производящей основы и словообразовательного элемента, а позднее, с XIX в., и формообразующих элементов воспроизводятся в русском языке с точностью: sweating — «потение», позже «выжимание пота», digger — «копатель», manager — «управляющий», позже «менеджер», dissident — «вероотступник», позже «диссидент»; buteler — «буфетчик» и др.

Производность структуры английских слов в русском языке до XIX в. — времени массовых проникновений иноязычных слов в русский язык — вряд ли осознавалась до тех пор, пока в русском языке не появилось достаточно большое количество заимствованных слов с общими для европейских языков словообразовательными морфемами. Поэтому надо признать действительным опрощение английских производных слов лишь в начале проникновения их в русский язык, когда иноязычная структура сложного слова становится все более прозрачной в связи с ростом количества слов одной модели (пуризм, дальтонизм, аболиционизм; турист, методист, юморист; митинг, кемпинг, брифинг, картинг и т. д.).

Данный процесс можно, вероятно, считать процессом обратным, опрощению. Так, если в исконных словах производность структуры стирается в связи с увеличением употребительности слова и семантическим размежеванием слов одного корня, (ср. в русском языке значение слов «задача», «при-дача» и образование словосочетаний: «дал задачу», «дал в придачу»), в иноязычных словах с расширением корпуса слов одной словообразовательной модели структура производных слов приближается к «неопрощенной», то есть она начинает восприниматься как производная, хотя аффиксы могут оставаться непроеизводными или малопроизводными. Так, в современном русском языке существует целый ряд заимствованных слов с морфемой -бол (футбол, баскетбол, бейсбол, пушбол, пуктобол, волейбол),

и по этой модели с ясной семантикой морфемы -бол (мяч) образованы новые русские производные: «пионербол», «медицинбол» (ср. аналогичную картину в английском языке в связи с заимствованием русского слова «спутник» и английские новообразования с суффиксом -ник).

Несмотря на большое количество слов в русском языке с общегерманским полусуффиксом -ман, -мен, с ясной мотивированностью слов, имеющих этот полусуффикс (человек): олдермен, кучман, лоцман, боцман, джентльмен, полисмен, бизнесмен, бармен, рекордсмен, яхтсмен, клубмен, спортсмен, конгрессмен, минитмен и нек. др., — морфема -ман, (-мен, -смен) не активизировалась и не выделилась в словообразовании русских слов. (Единственным производным словом на русской основе мы обнаружили образование: русская аббревиатура двадцатых годов: нэп+ман).

В русском языке в настоящее время можно выделить группу слов, заимствованных из английского языка, которые оформляются русскими суффиксами по значению прямо противоположными английским: спортсменка, яхтсменка, рекордсменка (-ман в англ. яз. «мужчина», «человек»). Русские суффиксы в производном слове придавали англизму иное, отличное от исходного значение: футболка, спортсменки, жокейка, ковбойка и др.

Производных существительных с суффиксом -инг в русском языке до XX в. встречается сравнительно немного, и все они в то время в английском и в русском языках имели значение номинации предмета или явления: вулинг (шерстяная веревка), шертинг (сорочка), смокинг, митинг, пудинг, стерлинг, тиффинг (легкая закуска). С конца XIX и особенно в XX в. в русский язык проникает довольно большое количество английских слов в суффиксом -инг, имеющих значения «названия процессов», «результат действия»: пудлингование, клиринг (банковская операция), прессинг, тренинг, крекинг, картинг, брифинг, допинг и мн. др. В этом случае также, несмотря на большое количество слов с суффиксом -инг в современном русском языке из английского (реже скандинавского — стортинг, викинг) и уже, как кажется, ясную мотивированность этого элемента (обозначение процесса), суффикс -инг для русского языка остается непродуктивным и встречается лишь в заимствованных словах.

Среди заимствованных из английского языка слов в русском языке выделяются слова, которые в системе английского языка относились к сложным словам. Совпадение в двух языках структуры сложных слов с неясной для заимствующего языка мотивировкой их компонентов характерно для письменных проникновений: пакет-бот (XVII в.), рост-биф (XVIII в.), биф-стекс (XVII в.), фут-боол (XIX в.) и мн. др. В процессе развития и употребления их русскими структура сложного слова начинает восприниматься как простая, т. е., как и для производных слов,

происходит процесс опрошения. Компоненты сложного английского слова теряют значение, при написании происходит стяжение слов: эльбир, вельбот, трамвай, акваланг, бестселлер, уикенд, селфактор, тостмастер, лендлиз, лендлорд и мн. др.

Близким к восприятию сложных слов английского происхождения является процесс воспроизведения английских словосочетаний, а иногда и целой фразы в виде одного слова, т. е. в том виде, как они были поняты со слуха носителями русского языка и в дальнейшем закреплены русской орфографией; девель (ящик для воды на пароходе) из англ. the well, делинт (корпия, хлопок) из англ. the lint, княвдигет (волнорез) из англ. knee of the head; Асей (англичанин) из англ. I say, аврал из англ. over all, повелительное предложение «все наверх!», полундра (тревога) из англ. Fall! Under! — односоставное предложение, означающее «Берегись! Падает!».

В настоящее время не наблюдается воспроизведение семантики словосочетаний или целых предложений в виде одного заимствованного слова в силу достаточно высокого англо-русского учебного или книжного билингвизма: предпочтение отдается калькированию (теле-мост), описательному переводу или прямому заимствованию элементов сложного слова: медные каски — «офицеры высшего ранга в США», брейн дрейн — перекачка умов, брейнсторминг — мозговая атака и др.

Третью группу составили слова, расходящиеся по семантическому и по структурно-морфологическому параметрам, а именно: между исходным английским словом и англизмом в русском языке наблюдается разрыв семантической связи и производящей основы и словообразовательных элементов. В эту группу войдут слова, упомянутые выше, когда присоединение русских словообразовательных элементов изменяло значение и производящей основы: тенниска, футболка. К полным расхождениям значения основы и значения суффикса относим слово «спортивный» в русском языке и английское слово sportive, означающее «веселый, игривый», — слово из группы «ложных друзей переводчика».

Ничего общего в русле семантики и словообразования не осталось в заимствованном в XVIII в. слове «вокзал» с его английским этимологом, образованным от имени собственного Vaux hall (букв. зал Вокса). В этом значении оно проникло в русский язык и существовало до середины XIX столетия. См. примеры: «Есть ли вы догадливы, то узнали, что я описываю славный английский Воксал...» (Карамзин). «Кроме того выстроен был «вокзал», в сущности распивочная...» (Достоевский). С постройкой в России первой железной дороги, когда «зал для танцев, увеселений, игры в карты и прочее» становится залом ожидания поездов, в русском слове появляется значение железнодорожного термина [3, с. 150]. В английском языке такого значения слово Vaux hall не имело, не имеет его и сейчас. По-

этому словообразовательные варианты «автовокзал», «авиавокзал», «привокзальный», «вокзальчик» — чисто русские новообразования, полностью порвавшие семантические связи со своим английским прототипом.

Развитие морфологической структуры слов, заимствованных русским языком из английского языка, нельзя считать законченным. Широкое использование заимствованной лексики в качестве исходной единицы в различных языковых ярусах на одинаковых правах с исконными словами делает возможным создание на русской почве определенных моделей словообразования. См., например, группы слов, образованных на основе англизма по единой модели: митинговать, стартовать, линчевать, твистовать, бойкотировать, лидировать, боксировать, сервировать, рейдировать, пофутболить, помитинговать, побойкотировать, отфутболить, откоксовать и мн. др. Развитие внешней и внутренней валентности англизмов ведет к образованию различных производных и сложных слов на русской почве, отсутствующих в английском языке. Ср. новообразования с морфемами спорт-, теле-, рельсо-, -рама, микро-, макси- и др.

В XX в., особенно за последние два-три десятилетия в русском языке наблюдается активизация элементов аналитизма — увеличение группы неизменяемых слов и, соответственно, уменьшение производных слов. Группа неизменяемых слов пополняется за счет аббревиатур, усеченных слов (такси, метро, кино и др.). На фоне возрастающего аналитизма в грамматической системе русского языка появление иноязычных слов с нетипичным оформлением не вызывает у носителей русского языка той реакции приспособить слово к своим нормам, как это происходило, скажем, в XVIII—XIX вв.

В грамматическом отношении неизменяемость слов, будь то русское усеченное или сложносокращенное слово или английское транслитерированное, но семантически не расшифрованное слово (НАТО, ЮНЕСКО, СЕАТО), не является необычным явлением, то есть формальная адаптация иноязычных слов становится менее существенной, чем внутренняя семантическая эволюция слова. Другими словами, функциональный статус слова становится все более независимым от формального статуса.

Список использованной литературы

1. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. — М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. — 218 с.
2. Доза А. История французского языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1956. — 471 с.
3. Ицкович В. А. История слова «вокзал» // Лексикографический сборник. — М.: ГИС АН СССР. Отд. лит. и языка, 1963. — Вып. 6. — С. 148—152.
4. Смирницкая А. И. Лексикология английского языка. — М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. — 260 с.

5. The Concise Oxford Dictionary of Current English based on the Oxford Dictionary. 4-th ed.— Oxford, 1956.
6. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing.— Language, 1950, vol. 26, No 2, p. 210—232.